

·thebigbook·

К Н И Г И

Джулиана Барнса

в издательстве
«Азбука»

ШУМ
ВРЕМЕНИ

НЕЧЕГО
БОЯТЬСЯ

ПРЕДЧУВСТВИЕ
КОНЦА

Джулиан
Барнс
ПРЕДЧУВСТВИЕ
КОНЦА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Б 25

Julian Barnes
THE SENSE OF AN ENDING
Copyright © 2011 by Julian Barnes
All rights reserved

Перевод с английского Елены Петровой

Оформление обложки Вадима Пожидаева

© Е. Петрова, перевод,
примечания, 2011
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-13287-0

Я хотел написать книгу о времени и памяти, о том, что время делает с памятью. Также о том, что память делает со временем. И о том, что в определенный момент вы понимаете, что ошибались в чем-то главном. Когда вы стареете, у вас накапливаются воспоминания о вашей жизни. Но не все определено. Ведь прошло 20 или 30 лет, и вы понимаете, что многое из случившегося неверно. В смысле тематики это короткая книга. Но я думаю, что писатель со временем учится лучше контролировать время.

Думаю, что рассказы писать труднее, чем романы. Я отношусь к тем авторам, которые начинали с романов, а позже стали писать рассказы.

Кстати, моя предыдущая книга была в 500 страниц. В романе рассказывается о том, что герой чего-то не знает и не может сказать, чего именно. Если бы я написал роман о том, что он узнал, он бы занял 250 страниц.

Джулиан Барнс

Возможно, лучший роман Барнса, и уж наверняка — изумительная история, очень человеческая и до боли реальная.

Irish Times

Тонкий юмор, отменная наблюдательность, энергичный слог — вот чем Барнс давно пленил нас и продолжает пленять.

The Independent

Произведение потрясающей эмоциональной силы.

Daily Mail

В своем поколении писателей Барнс безусловно самый изящный стилист и самый непредсказуемый мастер всех мыслимых литературных форм.

The Scotsman

Джулиан Барнс — хамелеон британской литературы. Как только вы пытаетесь дать ему определение, он снова меняет цвет.

The New York Times

Завораживающая книга... своего рода детектив без преступления.

Independent

Как антрепренер, который всякий раз начинает дело с нуля, Джулиан никогда не использует снова тот же узнаваемый голос... Опять и опять он изобретает велосипед.

Джей Макинерни

Репутация Барнса, и без того блистательная, с этой книгой поднимется на новую высоту. И пусть не введет вас в заблуждение скромный объем

«Предчувствия конца»: тайна, составляющая сюжетный двигатель романа, заложена очень глубоко, там, где живут наши самые заветные воспоминания.

The Daily Telegraph

Лишь Барнс умеет с таким поразительным спокойствием, не теряя головы, живописать хаос и уязвимость человеческой жизни.

The Times

Казалось бы, ну что может дать еще один роман — будто мы и так не знаем, что Барнс — великий писатель? Как еще, скажите на милость, может улучшиться его репутация? Какие такие новые таланты у него могут обнаружиться? Вот так, вот такие: еще как, еще какие; прям-таки с открытым ртом читаешь — во дает.

По существу, «Предчувствие конца» — это детектив, но очень необычный, потому что преступление, происшедшее много лет назад, не может быть юридически формализовано; более того, факты отфильтрованы памятью, поэтому не доказано, что оригиналы событий и позднейшие представления о них совпадают; и как теперь, скажите на милость, можно в таких обстоятельствах «расследовать» хоть что-нибудь?

Удивительно, что лабиринтоподобный сюжет возникает вроде бы абсолютно из ничего, на пустом месте, из самых тривиальных событий; в романе, кстати, сказано про этот феномен — «акку-

муляцию»: когда эффект от (неблагоприятных) факторов не просто складывается, а перемножается — и сочетание вроде бы терпимых вещей неожиданно вызывает тотальную катастрофу, причем все обстоятельства ее — из самой что ни на есть обыденной, повседневной жизни. Как Барнсу удалось схватить этот феномен? Опять — стандартный барнсовский парадокс: романист — патентованный врун — в состоянии обнаружить такую правду, до какой никогда не докопается ни один автор нон-фикшна. Гроссмейстер, конечно; и конечно, на длинной дистанции Барнс обходит всех своих ровесников-соперников — и Макьюэна, и Рушди, и Эмиса.

Лев Данилкин (Афиша)

По-хорошему роман Барнса надо читать дважды: второй раз — уже умея оценить, как умно и мастеровито он выстроил эту историю, рассыпав на каждом углу подсказки. Оценить и понять, что рассказал-то нам Барнс об охватившей мир энтропии, которая настигает без всякого исключения всех.

В мире Барнса нет победителей и побежденных, каждый — расточитель и банкрот. Нет ничего хорошего в том, чтобы согласиться на роль посредственности, как это делает большинство живущих на земле, плывя по течению, не ведая «ни побед, ни поражений», о «вдохновении и отчаянии» зная лишь по романам. Но участь тех, кто сопротивляется рутине и готов на нестандартные решения, ничуть не отличается: их точно так же

подстерегает Эрос, а затем Танатос и хаос. «Великий хаос» — это последние слова романа, действительно сильного, очень современного...

Майя Кучерская (Ведомости)

В истории современной английской литературы произошло долгожданное событие. С третьей попытки лауреатом самой престижной в Великобритании литературной премии «Букер» стал Джулиан Барнс за роман «Предчувствие конца».

Почему англичане так долго тянули с присуждением своей главной литературной премии, очевидно, лучшему современному прозаику Англии, которого читает весь мир и одних только русских переводов которого я насчитал шестнадцать, но, наверное, их больше? Ответ на этот вопрос однозначен. Потому и тянули, что слишком известен, что слишком избалован рецензентами ведущих газет, что не отметить его нельзя, и поэтому с этим можно не спешить.

*Павел Басинский
(Российская газета)*

Посвящается Пат

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Вот что мне запомнилось (в произвольной последовательности):

— лоснящаяся внутренняя сторона запястья;

— пар, который валит из мокрой раковины, куда со смехом отправили раскаленную сковородку;

— сгустки спермы, что кружат в сливном отверстии, перед тем как устремиться вниз с высоты верхнего этажа;

— вздыбленная пенной волной река, текущая, вопреки здравому смыслу, вспять под лучами пяти-шести фонариков;

— другая река, широкая, серая, текущая непонятно куда, потому что ее будоражит колючий ветер;

— запертая дверь, а за ней — давно остывшая ванна.

Последнее, вообще говоря, я сам не видел, но память в конечном итоге сохраняет не только увиденное.

Все мы существуем во времени — оно нас и формирует, и калибрует, но у меня такое ощущение, что я его никогда до конца не понимал. Не о том речь, что оно, согласно некоторым теориям, как-то там изгибается и описывает петлю или же течет где-то еще, параллельным курсом. Нет, я имею в виду самое обычное, повседневное время, которое рутинно движется вперед заботами настенных и наручных часов: тик-так, тик-так. Что может быть убедительнее секундной стрелки? Но малейшая радость или боль учит нас, что время податливо. Оно замедляется под воздействием одних чувств, разгоняется под напором других, а подчас вроде бы куда-то пропадает, но в конце концов достигает того предела, за которым и в самом деле исчезает, чтобы больше не вернуться.

Мои школьные годы не представляют для меня особого интереса, и никакой ностальгии у меня нет. Однако начиналось все

именно в школе, а потому нужно вкратце изложить некоторые события, выросшие до масштаба исторических эпизодов, и кое-какие смутные воспоминания, из которых время слепило уверенность. Коль скоро реальные события для меня не особенно отчетливы, постараюсь хотя бы придерживаться оставленных ими впечатлений.

Нас было трое, а теперь он стал четвертым. Мы вовсе не стремились расширять свой тесный круг: всякие тусовки и группировки остались в прошлом, и нам уже не терпелось вырваться из школы в настоящую жизнь. Звали его Адриан Финн; это был голенастый застенчивый парнишка, который поначалу смотрел в пол и держал свои мысли при себе. День-два мы его попросту не замечали: у нас в элитной школе не принято было устраивать новичкам торжественную встречу, а уже тем более — унижительную «прописку». Мы лишь зафиксировали его появление и стали ждать.

Учителя проявили к нему больше интереса. Им предстояло выяснить, насколько он умен и дисциплинирован, хорошо ли

подготовлен и какой из него выйдет «педагогический материал». В той осенней четверти у нас на третий день пришелся урок истории, который вел Джо Хант, насмешливо-добродушный старикан в неизменном костюме-тройке; для обеспечения порядка он поддерживал на своих занятиях достаточный, но не чрезмерный уровень скуки.

— Как вы помните, у вас было задание на лето: прочесть вводный раздел о царствовании Генриха Восьмого. — (Мы с Колином и Алексом переглянулись в надежде, что заброшенный учителем крючок с насаженной мухой не долетит до наших голов.) — Кто охарактеризует этот период? — (Мы старательно отводили в сторону взгляды, чем подсказали ему разумный выбор.) — Ну, Маршалл, пожалуйста. Что вы можете сказать об эпохе Генриха Восьмого?

Наше облегчение оказалось сильнее любопытства, потому что осторожный Маршалл был отстающим учеником, лишенным той фантазии, что свойственна подлинным олухам. Не найдя в заданном ему вопросе подводных камней, он в конце концов выдал:

— В стране был хаос, сэр.

По классу прокатились еле сдерживаемые смешки; даже Хант почти улыбнулся.

— Нельзя ли немного подробнее?

Маршалл неторопливо покивал в знак согласия, подумал еще и решил пойти ва-банк.

— Я бы сказал, в стране был великий хаос, сэр.

— Финн, прошу вас. Вы подготовились?

Новичок сидел передо мной, слева. На тупость Маршалла он не отреагировал.

— К сожалению, нет, сэр. Но существует мнение, что о любом историческом событии, даже, к примеру, о начале Первой мировой войны, можно с уверенностью сказать только одно: «Нечто произошло».

— Неужели? Если так, я скоро без работы останусь.

Выждав, когда умолкнет подхалимский смех, старина Джо Хант простил нам летнюю расхлябанность и сам рассказал про венценосного мясника-многоженца.

На перемене я разыскал Финна.

— Меня зовут Тони Уэбстер. — (Он ответил мне настороженным взглядом.) —

Жестко ты срезал Ханта. — (Казалось, он даже не понимает, о чем речь.) — Ну это: «нечто произошло».

— А, да. Я в нем разочаровался — он ушел от темы.

От него я ожидал совсем другой реакции.

Еще одна подробность, которая мне запомнилась: мы, все трое, в знак нашего единства носили часы циферблатом вниз, на внутренней стороне запястья. Это был чистой воды выпендрож, а может, и не только. Время становилось для нас личной и даже тайной собственностью. Мы думали, что Адриан заметит эту фишку и последует нашему примеру, но ничуть не бывало.

В тот же день — а может, и в другой — у нас был сдвоенный урок английского и литературы, который вел молодой учитель Фил Диксон, недавний выпускник Кембриджа. Он любил разбирать современные произведения и частенько ставил нас в тупик. «„Рождение, и совокупление, и смерть. И это все, это все, это все“, — говорит нам

Элиот. Ваши комментарии?» Однажды он сравнил кого-то из шекспировских героев с Керком Дугласом в фильме «Спартак». А когда мы обсуждали поэзию Теда Хьюза, он, как сейчас помню, презрительно склонил голову набок и процедил: «Всем любопытно знать, что он будет делать, когда исчерпает запас животных». Время от времени он обращался к нам «джентльмены». Естественно, мы перед ним преклонялись.

На том уроке он раздал всем одно и то же стихотворение без названия, без даты, без имени автора, засек время, а через десять минут попросил нас высказаться.

— Давайте начнем с вас, Финн. Своими словами: как бы вы определили суть этого стихотворения?

Адриан поднял глаза от парты.

— Эрос и Танатос, сэра.

— Хм. Поясните.

— Секс и смерть, — продолжал Финн, как будто даже самые безнадежные тупицы с задних парт должны были понимать по-гречески. — Или, если угодно, любовь и смерть. В любом случае здесь присутствует конфликт между половым инстинктом

и инстинктом смерти. А также следствие этого конфликта. Сэр.

Наверное, у меня на лице отразилось такое обалдение, которое Диксон счел нездоровым.

— Уэбстер, теперь вы нас просветите.

— Я, честно говоря, подумал, что это стихотворение про сову, сэр.

В этом заключалось одно из различий между нашей троицей и новичком. Мы вечно прикалывались и очень редко говорили всерьез. А наш новый одноклассник вечно говорил всерьез и очень редко прикалывался. Чтобы это понять, требовалось время.

Адриан позволил втянуть себя в нашу компанию, не подавая виду, что сам к этому стремился. Возможно, он и не стремился. Во всяком случае, никогда не пытался под нас подладиться. Во время утренней молитвы он подхватывал ответствия, тогда как мы с Алексом только шевелили губами, а Колин издевательски строил из себя истового богомольца и орал в полный голос. Мы, все трое, считали, что спортивные секции

придуманы тайными фашиствующими силами для подавления нашей сексуальности; Адриан между тем вступил в фехтовальный клуб и занялся прыжками в высоту. Мы кичились полным отсутствием слуха; Адриан принес в школу кларнет. Когда Колин хаял свою семью, когда я высмеивал политический строй, когда Алекс высказывал философские возражения против видимой сущности материального мира, Адриан помалкивал — во всяком случае, на первых порах. Создавалось впечатление, что он верит в какие-то идеалы. Мы тоже были этого не чужды, только нам хотелось верить в собственные идеалы, а не в те, что кем-то придуманы за нас. Отсюда — наш скепсис, который мы приравнивали к очищению.

Школа находилась в центре Лондона, и мы ездили на уроки из разных районов, перемещаясь из одной системы контроля в другую. В ту пору жилось проще: ни тебе больших денег, ни электронных гаджетов, ни тирании моды, ни девочек. Ничто не отвлекало нас от человеческого и сыновнего долга: учиться, сдавать экзамены, чтобы потом на основании полученных знаний

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	13
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	111
Примечания. <i>Е. Петрова</i>	274

Барнс Дж.

Б 25 Предчувствие конца : роман / Джулиан Барнс ; пер. с англ. Е. Петровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 288 с.— (The Big Book).

ISBN 978-5-389-13287-0

Джулиан Барнс — пожалуй, самый яркий и оригинальный прозаик современной Британии. А его роман «Предчувствие конца» получил Букеровскую премию — одну из наиболее престижных литературных наград в мире. Возможно, основной талант Барнса — умение легко и естественно играть в своих произведениях стилями и направлениями. Тонкая стилизация и едкая ирония, утонченный лиризм и доходящий до цинизма сарказм, агрессивная жесткость и веселое озорство — Барнсу подвластно все это и многое другое.

В класс элитной школы, где учатся Тони Уэбстер и его друзья Колин и Алекс, приходит новенький — Адриан Финн. Неразлучная тройца быстро становится четверкой, но Адриан держится наособицу: «Мы вечно прикалывались и очень редко говорили всерьез. А наш новый одноклассник вечно говорил всерьез и очень редко прикалывался». После школы четверо клянутся в вечной дружбе — и надолго расходятся в разные стороны; виной тому романтические переживания и взрослые заботы, неожиданная трагедия и желание поскорее выбросить ее из головы... И вот постаревший на сорок лет Тони получает неожиданное письмо от адвоката и, начиная раскручивать хитросплетенный клубок причин и следствий, понимает, что прошлое, казавшееся таким простым и ясным, таит немало шокирующих сюрпризов...

В 2017 году в мировой прокат вышла киноверсия этого романа. Главные роли в фильме исполнили Шарлотта Рэмплинг, Джим Бродбент, Мишель Докери, Эмили Мортимер, Джо Элвин.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖУЛИАН БАРНС
ПРЕДЧУВСТВИЕ КОНЦА

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.06.2018.
Формат издания 75 × 100^{1/32}. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 12,69. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MBB-21441-02-R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, pop-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/